

ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ ОБРАЗЫ ПОЛА И ЛЮБВИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

А.М. Страхов

*Белгородский
государственный
университет*

В статье рассматриваются особенности образов пола и любви в отечественном культурном постмодерне. Автор отмечает в России XXI в. наличие девальвации любви, эротической тенденции в художественной литературе, разрушение семьи.

Ключевые слова: любовь, пол, культура, эротика, семья.

Любовь и пол издавна привлекают к себе внимание исследователей, однако во второй половине XX в. к ним проявляется повышенный интерес, что связано с сексуальной революцией, не миновавшей и Россию, которая успела свою первую сексуальную революцию еще в 20-е гг. прошлого столетия пережить – сопроводившая социальные потрясения либерализация половой морали приобрела такие масштабы, что уместно ее как сексуальную революцию охарактеризовать¹. Начавшись, как и на Западе, в 60-е гг., вторая сексуальная революция в России проходит два этапа, определяемых спецификой политического и социально-экономического развития страны. Первый этап реализуется в России советской, причем не под прямым влиянием Запада, от которого отгораживал пресловутый «железный занавес», а в связи с общечеловеческой тенденцией к либерализации взаимоотношения полов и особенностями нового образа жизни со все ускоряющимися темпами, рационализацией и индивидуализацией. Он протекает латентно и вялотекущее, затрагивая в основном городские интеллигенцию и молодежь, и набирает силу вопреки установкам официоза и навязываемому им моральному кодексу строителя коммунизма. Первый этап второй русской сексуальной революции освещается на страницах произведений Владимира Высоцкого, Венедикта Ерофеева, Виктора Ерофеева, Людмилы Улицкой. Ряд проявлений первого этапа второй сексуальной революции уловил и отразил ее современник советский писатель Юрий Трифонов. В 60-е – 80-е гг. XX в. подготавливалась основа тех радикальных перемен, что произошли в 90-е гг., когда начинается второй этап сексуальной революции, соответствующий демократическим рыночным преобразованиям и отечественному культурному постмодерну.

В отечественной литературе представлен ряд классификаций семейно-брачных отношений и любви. Это имеет место не только в истории русской философской мысли (у В.С. Соловьева, В.В. Розанова, например), но и в современных исследованиях: С.В. Климова выделяет идеалы, образцы, нормы любви, Л.Н. Надолинская рассматривает стереотипы любовных отношений, О.С. Осипова пишет о семейно-брачных идеалах. Представляется уместным вести речь об *образах* пола и любви, поскольку образ шире идеала, нормы или стереотипа, включая в себя и многочисленные отступления от господствующих императивов, к тому же образ более соответствует философскому осмыслению, обладающему образной спецификой. Еще П.С. Юшкевич подчеркивал, что «коренные философские понятия суть всегда понятия-образы»². Занимая важное место в понятийном аппарате гносеологии, образ характеризуется той или иной степенью адекватности отражения.

¹ См.: Страхов А.М. Уроки прошлого в вопросах пола. // Грани. – 2004. – № 1(33). С.95-97; Страхов А.М. Эволюция образов пола и любви в отечественной культуре XIX – XX столетий. // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. – 2007. – № 9 (40). С.88-86.

² Юшкевич П.С. О сущности философии (К психологии философского мирозерцания). // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. – М.: Политиздат, 1990. С.153.

Эйфория от свободы после падения тоталитарного режима спровоцировала отождествление свободы и вседозволенности. В свое время, вскоре после революции 1917 г., В.В. Розанов метко подметил: «Как аристократия имела свои специфические и неустрашимые пороки, так их имеет и демократия, и, по-видимому, с тем же неуничтожимым характером»¹. «Пороки» становящейся российской демократии 90-х гг. усугублялись отсутствием отечественного опыта и неприемлемостью некритичного переноса западных ценностей на российскую почву. Еще не привыкшие к такой свободе россияне выстраивались в очереди, чтобы посмотреть фильмы с постельными стенами и обнаженной натурой, многие зрители смотрели один и тот же фильм по несколько раз, покидая зал, когда «клубничка» далее не предвиделась. Издержки вкушения прежде запретного плода порой носили трагикомический оттенок в духе С. Клеменса (М. Твена), с той лишь разницей, что в отличие от обманутой американской провинциальной публики российский зритель воспринял эротический спектакль польских гастролеров по мотивам «Декамерона» Д. Боккаччо без последствий для труппы (все бы ничего, даже говорили действующие лица на пусть и не очень хорошем русском языке, но возраст и комплекция раздевающихся на сцене актеров и, главное, актрис, не совсем соответствовали общепринятой эстетике обнаженного тела).

В советское время эротику отождествляли с порнографией, к которой сводили едва ли не все попытки осветить сексуальную сферу в искусстве. Советский писатель Иван Ефремов, выступающий вопреки позиции властей за естественное любовное наслаждение красотой обнаженного тела и критикующий ханжество советской цензуры, объясняет смешение эротики и порнографии советскими «охранителями морали» тем, что они напугались Запада. «Не поняли они, где эротика, естественное влечение к красоте и совершенству, а где мразь, как в коммерческих фильмах или фоторевю, где любая тощая девчонка, лохматая и некрасивая, может сниматься, лишь бы обнаженной в дурацких сценах. Да ладно, видно, немало лет нам еще выбираться из муры к подлинно чистому отношению к женщине, красоте тела и танца», – говорит балерина из «Лезвия бритвы»². Выступает Ефремов и в защиту индийской скульптуры, которую порочили некоторые западные «исследователи»: «Они считали скульптуру Древней Индии отталкивающим, порнографическим искусством, не понимая философских идей, скрытых в длинной цепи преемственности образов и форм»³. Смешение эротики и порнографии происходит в постмодернистской российской культуре, только уже порнографию протаскивают под видом эротики, порой самую жесткую. Эротика в широком смысле – интимная область взаимоотношения полов, в сопоставлении с порнографией она представляет собой художественное изображение данной области, в то время как порнография эстетической ценности не содержит. Если эротика – эстетика пола и любви, то порнография – вульгарное и служащее исключительно пробуждению полового инстинкта изображение физиологии пола. В разграничении эротического и порнографического присутствует значительная доля субъективизма, ведь художественный смысл можно обнаружить в, казалось бы, явно порнографическом материале, а для отдельного пылкого воображения и прикрытое купальным костюмом тело может послужить средством полового возбуждения (моралист Л.Н. Толстой усматривал «разврат» в балете). Важным отличительным признаком порнографии выступает самоцельное подробное описание или изображение полового акта с концентрацией на возбужденных гениталиях. Но если автор сумеет доказать, что стремился донести до читателя или зрителя нечто большее и что физиологические подробности в его произведении не самоцель, а прием, то обвинение в порнографии может быть снято (остается открытым вопрос о моральной ответственности за выбор средств донесения авторской идеи). И.В. Кондаков по этому поводу пишет: «...Изучение феномена порнографии – в прямом и переносном смысле, включая исследование ее отличий от эротики или сходства с нею, должно начинаться с осмысления этого специфического воображения, его границ, творческих возможностей, вероятных интерпретаций и оценок. Ведь в современных текстах художественной культуры одни и те же смысловые элементы, могущие быть истолкованы как эротическое или порнографическое,

¹ Розанов В.В. Демократизация живописи. // Религия и культура. – М.: Правда, 1990. С.147.

² Ефремов Иван. Лезвие бритвы. Роман приключений. / Собр. соч. в 5 т. Т.4. – М.: Молодая гвардия, 1988. С.173.

³ Там же. С.343.

оказываются то броскими атрибутами культурфилософской, сутобо интеллектуальной игры, то грубо-натуралистическим описанием, то шокирующей подробностями острой публицистичностью, то средством подогревания сладострастия и похоти читателя/зрителя накануне предстоящей его сексуальной активности, то – коммерческой приманкой покупателя низкопробного квазикультурного товара»¹. Рассматривает отличие эротики и порнографии И.С. Кон. Эротикой, по его определению, «называются сексуальные чувства, фантазии и переживания, а также стимулирующие их литературные, видео-, аудио- и прочие материалы»². Порнография же, согласно Кону, та же эротика, имеющая целью вызвать половое возбуждение, акцентируясь на гениталиях, и относящаяся не к искусству, а к индустрии развлечений. Относительность эротики и порнографии очевидна и для Кона. Действительно, в свое время упреки в порнографии щедро раздавались по адресу Исаака Бабеля, Бориса Пильняка, ряда других авторов, на фоне сегодняшнего натурализма такие упреки выглядят наивно. Защищая Пильняка от критики, Сергей Есенин писал: «То, что Пильняк сочно описывает на пути своих повестей, как самцы мнут баб по всем расейским дорогам и пространствам [следует справедливости ради заметить, без каких-либо анатомо-физиологических подробностей – А.С.], совсем не показывает его сущность. Это только его отличительная родинка и совсем не плохая, а, наоборот, – красивая. Эта сочность правдива, как сама жизнь»³.

В русской беллетристике культурного постмодерна наблюдается аэротическая тенденция, представленная, в частности, творчеством Виктора Ерофеева и Владимира Сорокина. М.М. Бахтин по поводу «Гаргантюа и Пантагрюэля» Ф. Рабле отмечал, что там нет возбуждающей сексуальность порнографии и непристойность французского гуманиста можно назвать не эротической, а философской. «Рабле никогда и ничего не рисует способного возбудить чувственность: менее всего найдете вы у него образы возбуждающей чувственности красоты (специфической), привлекательности, пикантности; любое совершенно корректно сделанное описание женской красоты, сложения, наряда способны более возбудить чувственность, чем самые непристойные образы у Рабле; у Рабле вообще нет изображения молодого тела; наиболее непристойные образы связаны у него со старостью, со старухами (например, новелла про льва и старуху); это определяется, конечно, гротескной концепцией тела (рождающая старость, рождающая смерть); гротескное тело – космическое, символически расширенное, смешанное с вещами – вообще не способно возбуждать чувственности: оно уродливо и безобразно с точки зрения новых сексуально окрашенных представлений о красоте (как и с точки зрения нового художественного канона красоты); образы Рабле так же не способны задевать нашей чувственности, как иллюстративный материал к оубой истории религий – все эти чудовищные идола с разинутыми ртами, преувеличенными фаллами, грудями и т.п.», – пишет Бахтин⁴. Аналогично обстоит дело с творчеством указанных выше авторов, испытывающих на прочность безразличность одних, нравственные чувства других. Они описывают натуралистические детали, касающиеся всех физиологических отправления организма, включая «развороченные» в гомосексуальном акте мужские зады, у неперверсно ориентированного читателя вызывающие лишь отвращение, что позволяет охарактеризовать их творчество как аэротическое/апорнографическое. *Антиэротика* выступает с морализаторских и ханжеских позиций, подвергая критике эстетику обнаженного тела, *эротика* стимулирует либидо, *аэротика* никакого отношения к половому возбуждению не имеет, провоцируя устойчивое неприятие. Творчество представителей аэротической художественной литературы является не столько выражением издержек сексуальной революции, сколько реакцией на нее – писатели в утрированной форме демонстрируют то, что, к сожалению, уже вошло в повсе-

¹ Кондаков И.В. Метаморфозы русской эротической культуры в XX в. // Современные трансформации российской культуры (Россия на перекрестке культур). – М.: Наука, 2005. С. 733-734.

² Кон И.С. Надо ли бояться порнографии? // Социологическая психология. – М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 1999. С. 504.

³ Есенин Сергей. [О советских писателях]. / Собр. соч. в 5 т. Т. 4. – М.: Худож. литература, 1967. С. 223-224.

⁴ Бахтин М.М. Дополнения и изменения к «Рабле». // Вопросы философии. – 1992. – № 1. С. 155-156.

дневную российскую действительность, ханжеством было бы этого не замечать. Виктор Ерофеев и Владимир Сорокин не только увидели сами, но и открывают глаза другим, хотя облачают свои призывы даже не в жесткую, а жестокую форму. Акцентируя свое внимание на том, что ниже пояса, они наносят удар ниже пояса, что не каждый читатель способен перенести. Однако в конечном счете болезненная прививка их творчеством способна помочь выработать тот нравственный иммунитет, которого так не хватает постмодернистской России, переживающей второй этап второй русской сексуальной революции.

Постмодернистские образы пола и любви характеризуются деструктивностью. Размываются ценности семьи: не только молодежь, но и люди среднего возраста обоих полов предпочитают зарегистрированному брачному союзу, налагающему на супругов взаимные обязательства, сожительства, получившие название «гражданского брака». В связи с этим реальная ситуация с разводами не отражается официальной статистикой, хотя последняя и без учета распавшихся сожительства тревожна.

Утрачивается чувство стыда, не стало запретных тем в публичных обсуждениях, создаются специальные, посвященные интимным сторонам взаимоотношения полов телепрограммы, будь то «Секс с Анфисой Чеховой» на канале ТНТ или «Сексуальная революция» на канале ТDK. Без обсуждения пикантных ситуаций не обходились и другие, специально сексу не посвященные программы, например, «Лолита. Без комплексов» или «Большая стирка» (канал ОРТ). Красноречивы темы «самого горячего ток-шоу», как ведущий А. Малахов характеризует «Большую стирку»: «Все про постель», «Вся правда о силиконе», «Жены и любовницы», «Как победить импотенцию», «Мужское достоинство» (где переносный смысл был стараниями «руководителя центра простатологии» превращен в прямой), «Нарушители интимного пространства», «Нижнее белье – не для меня», «У меня самая красивая грудь в России», «Хочу провести ночь с Максимом Галкиным», «Я работаю без одежды». Даже посвященные «братьям нашим меньшим» ток-шоу не обходятся без проблемы секса – «Домашние любимцы – кастрировать или нет». Более того, звучат такие подробности, озвученные приглашенным сексологом, которые свидетельствуют (насколько достоверно – особый вопрос) о том, что «каждая четвертая женщина, имеющая домашнее животное, сожительствует с ним»¹. (Следует заметить, что перверсий и их смакования на телевидении и в прессе хватает. Какал ТНТ активно эксплуатирует приобретенные на Западе популярность программы «За стеклом», «Большой брат», «Голлод», «Дом» и «Дом-2», которым присущ вуайеризм).

Сексуализируется реклама². Вместе с тем совершенно открыто рекламируется коммерческий секс. В настоящее время недвусмысленные предложения услуг «цветов животного царства», как называл проституток А.И. Герцен, исчезли с газетных полос, но еще в августе прошлого года белгородская «Визит к Вам» только в одном выпуске разместила более двух десятков объявлений³, обещающих «отдых», «досуг», «эскорт» и «массаж», многие круглосуточно. И это тогда, когда уже правоохранительные органы приступили к закрытию притонов, организаторы которых в отличие от исполнительниц и исполнителей (мужская проституция – один из результатов сексуальной революции, уравнявшей женский пол с мужским) не отделяются административными штрафами, а привлекаются к уголовной ответственности! А вот секс по телефону (рассчитанный на приверженцев перверсии) по-прежнему открыто рекламируется рядом телеканалов, приобретая в конкурентной борьбе за клиентов, каковыми вопреки предупреждениям о возрастном ограничении могут являться и подростки (паспорта по телефону не предъявить, да и кто и как может это проконтролировать), новые черты: это уже «горячий разговор» втроем или в роли гипотетической собеседницы (реально разговаривать может пожилая добрая семьянинка, верная и заботливая жена и мать) выступают пока еще для России экзотические женщины Африки или Востока. То, что подобная реклама рассчитана на несовершеннолетних, подтверждает размещенное «Московским комсомольцем» предложение, поддержанное известными операторами сотовой связи в России (МТС, Билайн, Мегафон): любой

¹ Малахов А.Н. Мои любимые блондинки: Роман. – М.: Эксмо, 2007. С.286

² См.: Страхов А.М. Половой аспект современной рекламы. // Социокультурная динамика региона. Сб. науч. трудов участников V межрегион. науч.-практ. конф. (Белгород, 27-28 апр. 2005 г.). – Белгород: ПОЛИТЕРРА, 2005. С.131-135.

³ См.: Визит к Вам. – 14 августа 2008. - № 32(573).

желающий может получить «сотни полезных секс-прогнозов» или пройти 5 этапов «секс-миссии» и получить «новое представление о своих возможностях». 50-ти участникам, признанных «профессионалами в сексе» (есть подозрение, что таким «профессионалом» признавался каждый, не пожалевший денег), обещаны специальные сертификаты, а десятка лучших должна была стать «настоящими идолами секса»¹! Ну кто из нормальных пусть и молодых мужчин будет потрясать перед потенциальными и реальными партнерами сертификатами, представляясь «идолом секса» – только комплексующий подросток с его неопытностью и стремлением повзрослеть. В отечественном культурном постмодерне меняется отношение к проституции: в самодержавной России проститутки презирали и жалели, в советской – ненавидели, сочетая ненависть с завистью к их «нетрудовым доходам», в современной – нередко проституткам завидуют и хотят их ряды пополнять, тем более, что о проститутках пишут книги, снимают фильмы, а сами они дают интервью.

Виктор Ерофеев пишет, что каждая женщина по-своему торгует своим телом – «Поцелуй дарит, как пробные флакончики духов, а остальным торгует. Удачно и неудачно, по-крупному или по-мелкому, осознанно и неосознанно. Или же *нео-неосознанно*, как феминистки²». Применительно к патриархату, следы которого сохранились в сознании не только мужчин, но и многих женщин как в модерне, так постмодерне, как автором можно согласиться, разве что заменив «торговлю» на «обмен». Торгует проститутка, продающая свое тело почти любому платежеспособному клиенту, а если жестко зависит от сутенера или организаторов «коммерческого секса», то любому. Проститутка обычно соглашается на удовлетворение самых причудливых прихотей клиента (отказ редок, чаще повышается плата). Оказание сексуальных услуг является для проститутки источником ее доходов, основным или побочным. Проститутка сама назначает цену или получает фиксированное вознаграждение за свой труд от хозяев (сутенеров). *Проституция* – оказание сексуальных услуг по предварительному сговору за фиксированную плату. Можно было бы включить в определение проституции такой признак, как независимость сговора от сексуального интереса у проститутки, однако сексуальный интерес может у проститутки присутствовать по отношению к отдельным клиентам, порой даже выступающим в статусе любовника, что показывает А.И. Куприн, и отсутствовать у «порядочной» замужней женщины, как у героини К.М. Станюковича Настасьи Дмитриевны Стрекаловой, отдававшей только мужу, но без страсти и стеснения. «Любила ли она? По своему, конечно, любила, хотя в ее проявлениях любви было не менее, если не более, того холодного, обстоятельного разврата, за который так бичуют продажных женщин. Последние развратны по нужде или из любви к роскоши; Настасья Дмитриевны – по святой обязанности. Кто лучше?», – задается вопросом Станюкович³. В унаследовавших от традиционно-нормативных образов пола и любви убеждение, что кормилец – мужчина, современных семьях, а таких, как показывают опросы, в России вопреки упованиям феминизма большинство, мужчина, как правило, ждет от женщины только ласки (иногда и еды, иногда только еды, но последнее не характерно для мужского полового поведения), женщина помимо ласки ждет еще и знаков внимания, материализующихся в цветах, услугах, подарках. Даже и за пределами брачного союза обычная женщина отдает в обмен не только тело, но и «душу», не любому, а избранному, при этом инициатива в выборе количества и качество знаков внимания принадлежит мужчине. Когда женщина на содержании получает от женатого мужчины (если мужчина холост – это в современном понимании «гражданский брак») необходимые для своего существования материальные блага или соблазнитель-ухажер оплачивает столик в ресторане, после чего получает возможность реализации сексуального интереса – это обмен, а не торговля. Но грань может быть достаточно условна. «Торгует» или «обменивается» женщина, неоднократно меняющая половых партнеров, каждый раз позволяя угощать ее ресторанным ужином, т.е. получая предоплату?! Как проститутка предлагает свои услуги, так и такая женщина, только не прямо, а намеками, в процессе любовной игры. Даже желание посетить ресторан она выдвигает не как обязательное требование, а либо соглашается на предложение мужчины, либо проявляет активность, прибегая опять-таки к помощи намека. Если мужчина отказывается, обмен/торговля не состоится.

¹ См.: Московский комсомолец. – 23-30 ноября 2005. - № 47(325).

² Ерофеев Виктор. Цена проститутки./Мужчины. – М.: Зебра Е, 2005. С.139.

³ Станюкович К.М. Без исхода./Собр. соч. в 6 т. Т.4. – М.: ГИХЛ, 1958. С.84.

Проблема проституции приобретает в современной постмодернистской России особую остроту. С одной стороны, страна пополняет ряды проституток в ряде зарубежных стран (Старая Европа, Турция, Израиль и др.). С другой стороны, среди работниц «коммерческого секса» в российских городах немало представительниц из бывших республик СССР, в первую очередь по понятным причинам из Украины (процессы те же, что в целом по трудовым ресурсам: часть россиян отправляется на работу в преуспевающие страны, а в России трудится целая армия бывших соотечественников по Советскому Союзу). Еще в 90-е гг. в обществе возникла дискуссия по легализации проституции, спровоцированная распространением последней и практическим бездействием власти, старающейся данную проблему в худших советских традициях не замечать. Уничтожить проституцию нельзя, но можно либо загнать в глубокое подполье, либо признать как специфический вид трудовой деятельности, поставив под контроль государства. Пока же продолжается ситуация «ни мира, ни войны», разве что слегка наметилась тенденция к войне в последние два года. У обоих исходов имеются свои плюсы и минусы, но самое худшее – сохранять бездействие, предоставляя почти безнаказанно криминалу извлекать огромные доходы и подрывать и без того расшатанные моральные устои.

Демократическое общество, к которому по праву относит себя и Россия, предполагает плюрализм и его неизбежное следствие толерантность. В полной мере это относится и к взаимоотношению полов, и к взаимоотношению внутри полов, к пресловутой «однополый любви». Однако отечественная демократия в принципе не может быть простым слепком демократии западной, в частности, не прижилась и вряд ли приживется в России западная «политкорректность». А радикально настроенные представители сексуальных меньшинств, похоже, специфики отечественного менталитета не замечают – слишком настойчиво они настаивают на публичности, как бы беря реванш за многие годы преследований. Погромы гей-клубов не заставили себя ждать, и когда московское правительство запрещало обычный для терпимого Запада парад, то руководствовало и соображениями общественной безопасности и порядка. К тому же крайне отрицательно относится к однополым пристрастиям Русская Православная Церковь, роль которой в общественной жизни России и влияние на немалые массы населения возрастают.

Частичная десекуляризация России выступает свидетельством тому, что в современном российском обществе постмодернистские образы пола и любви сочетаются с предшествующими им модернистскими и традиционно-нормативными. Последние представлены в религиозной половой морали. Священник Алексей Уминский пишет: «Удивительно, но за многие десятилетия советской власти безбожное общество сумело сохранить основные критерии христианской нравственности, и даже некоторый нравственный иммунитет, который был накоплен тысячелетием христианских поколений в России»¹. Православные авторы в последние годы все чаще обращаются к актуальным и острым вопросам половой морали, заметно активизировалась издательская деятельность церкви, в книгах православных авторов по семье и браку содержится немало интересного и полезного и для человека светской мировоззренческой ориентации. Однако, не во всех книгах в полной мере учитываются реалии сегодняшнего дня, на что справедливо указывает М. Кравцова в своей книге «Женское одиночество»: ряд православных авторов отстал от современности на пару-другую веков, играя с читателем в наших благочестивых предков. Александр Филоненко, тоже православный автор, о некоторых современных духовных наставниках отмечает: «Так часто мы отвечаем на вопросы, которые не являются вопросами для наших собеседников, и совсем не готовы не только ответить, но и расслышать вопросы, несущие в себе неотменимость раны»². Активизирующиеся здоровые силы общества представлены и частью интеллигенции. И во властных структурах приходит понимание пагубности отождествления свободы и демократии со вседозволенностью. Продолжающиеся реализоваться государством несмотря на мировой финансовый кризис национальные про-

¹ Уминский Алексей. Православное воспитание и современный мир. //отцы, матери, дети. Православное воспитание и современный мир. – М.: Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2001. С.64.

² Филоненко Александр. Гостеприимство бездомных: семья и богословие уязвимости. //Семья в постатеистических обществах. – Киев: Дух і літера, 2003. С.137.

граммы тоже так или иначе затрагивают сферу взаимоотношения полов, что оставляет надежду на нравственное оздоровление.

Список литературы

1. Юшкевич П.С. О сущности философии (К психологии философского мирозерцания). // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. – М.: Политиздат, 1990.
2. Розанов В.В. Демократизация живописи. // Религия и культура. – М.: Правда, 1990.
3. Ефремов Иван. Лезвие бритвы. Роман приключений. / Собр. соч. в 5 т. Т.4. – М.: Молодая гвардия, 1988.
4. Кондаков И.В. Метаморфозы русской эротической культуры в XX в. // Современные трансформации российской культуры (Россия на перекрестке культур). – М.: Наука, 2005.
5. Кон И.С. Надо ли бояться порнографии? / Социологическая психология. – М.: ИПСИ; Воронеж: МОДЭК, 1999.
6. Есенин Сергей. [о советских писателях]. / Собр. соч. в 5 т. Т.4. – М.: Художественная литература, 1967.
7. Бахтин М.М. Дополнения и изменения к «Рабле». // Вопросы философии. -1992. - № 1.
8. Малахов А.Н. Мои любимые блондинки: Роман. - М.: Эксмо, 2007.
9. Страхов А.М. Половой аспект содержания современной рекламы. // Социокультурная динамика региона: Сб. науч. трудов участников V Межрег. науч.-практ. конф. – Белгород: БелГИК, 2005.
10. Ерофеев Виктор. Цена проститутки. / Мужчины. – М.: Зебра Е, 2005.
11. Станюкович К.М. Без исхода. / Собр. соч. в 6 т. Т.4. – М.: ГИХЛ, 1958.
12. Уминский Алексей. Православное воспитание и современный мир. // Отцы, матери, дети. Православное воспитание и современный мир. – М.: Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2001.
13. Филоненко Александр. Гостеприимство бездомных: семья и богословие уязвимости. // Семья в постатеистических обществах. – Киев: Дух і літера, 2003.

POST-MODERN IMAGES OF SEX AND LOVE IN RUSSIAN CULTURE

The article examines the specifics of images of sex and love in the period of post-modern in Russian culture. The author admits the following: the devaluation of love, arotic tendency in imaginative literature, destruction of family in Russia of the XXI century.

A.M.Strakhov

*Belgorod State
University*

Key words: love, sex, culture, arotic, family.